

Ю.И. Ожередов

Россия, Томск.

Институт исследования Монгольского Алтая.

**Раковины каури в помертных ритуалах
нарымских селькупов XVI-XVII вв.**

Судя по археологическим источникам самым малочисленным и экзотическим украшением средневековых селькупов Нарымского Приобья стали раковины каури. На сегодня они известны лишь в курганном могильнике Пачанга, девять курганов которого были стационарно изучены в 1954 г. экспедицией Томского педагогического института под руководством А.П. Дульзона [Дульзон, 1955 а. С. 119,127,131; 1955 б. С. 230].

Каури обнаружены в пяти погребениях третьего и пятого курганов (соответственно в №№ 3,4 и 1,3,4). Всего было зафиксировано 13 целых и один разрушенный образец. В погребении № 3 третьего кургана у черепа, левого предплечья слева и на груди с обеих сторон залегало 5 раковин каури. В соседнем погребении № 4, четыре раковины лежали на месте черепа, смещенного грабителями с его анатомической позиции.

В погребении № 1, кургана 5 две раковины найдены возле черепа и еще одна вместе со стеклянными бусинами располагалась между челюстями. Один экземпляр найден в погребении № 3 пятого кургана «около ушной раковины». А по соседству выявлены обломки раковины в погребении № 4 [Дульзон, 1955 б. С. 238, 239, 240, 241, 242]. Судя по местонахождению, каури располагались преимущественно у головы умершего, что указывает на их принадлежность к головным уборам, и, возможно, бусам. Много меньше находок приходится на плечевую одежду.

Помимо собственно раковин, имплицитное, метафорическое, присутствие каури на территории некогда протоселькупского Притомья отметили находки из кургана № 1 Басандайского могильника. На конском черепе в погребении № 2, (XIII-XIV вв.), располагалось шесть бронзовых накладок уздечного набора, имитировавших каури [Дульзон, 1953. С. 173]. Аналогичные изделия известны в древностях Прикамья [Смирнов, 1952. С. 211, рис.13] и на Барсовой горе в Сургутском Приобье [Арне, 2005. Рис. 131].

По мере удаления от границ тайги к югу число находок каури заметно увеличивается. В лесостепном Приобье раковины найдены в могильнике IV-V вв. до н.э. Новый Шарап-2 Большереченской культуры [Троицкая, Бородавский, 1994. С. 17]. В Среднем Прииртышье каури обнаружены в комплексах X-XII вв. поселения Кипо-Кулары [Конилов, 1985. С. 68], а также в захоронениях XVI-XVIII вв. могильника Окунево-VII [Баранова, Корусенко, 2011. С. 199]. Широкий хронологический диапазон названных памятников демонстрирует устойчивый интерес обитателей Обь-Иртышья к каури, в том числе, в период синхронный появлению их у селькупов, оставивших могильник Пачанга (XVI-XVII вв.). Особо богаты раковинами каури территории Минусы, Тувы и Прибайкалья. Наиболее ранние находки сделаны в могилах плиточников с диапазоном дат от эпохи бронзы до РЖВ [Цибиктаров, 1998. С.

58] . Помимо, собственно раковин, здесь представлены их имитации из камня и медных сплавов [Богаевский, 1931. С. 101].

Находки каури в поздних захоронениях надежно манифестируют знакомство палеоселькупов с данным моллюском-украшением и приобщение его к сакральному пантеону. Появление каури в Сибири обусловлено ввозом южного импорта [Богаевский, 1931. С. 4]. Одновременно с раковинами в северные зоны проникали определенные формы осмысления этого товара, получившие в науке соответствующую интерпретацию.

Изучение каури в качестве феномена культуры положено шведским исследователем Ю.Г. Андерсеном, сформулировавшим на формальных чертах каури понятие «орнамент смерти». Основой для мотива послужили две продольные зубчатые линии образующие геометрический знак «зигзаг». В традиционных культурах Евразии и Африки бытует убеждение, что каури это «Вульва; источник жизни...», а «напоминающая полуоткрытые губы раковина этого моллюска стала желанным природным оберегом от бесплодия и символом сексуальных удовольствий даже в отдалении от места их происхождения. Как траурная эмблема или элемент женских украшений, она может означать и смерть и жизнь. Считается, что ее мистическая сила действует еще очень долго после смерти моллюска» [Тресиддер, 2001. С. 302]. Последний тезис обусловлен символизмом каури в качестве *vagina dentata*, зубчатый край которой является гранью между земным и потусторонним миром. Женская утроба в традиционных воззрениях ассоциирована с иномиром, обиталищем темных сил, опасных для живых людей. В этой связи, интересно замечание А.Ф. Анисимова о том, что эвенки воспринимали изображения каури как закрытые входы в страну мертвых (буни) [Анисимов, 1958. С. 178]. Ломаная полоса на каури символизировала зубы, стоящие на страже выхода в мир людей. В натурфилософском воззрении духи боятся острых предметов и не решаются приближаться к защищенному ими «порталу» делящему миры. С другой стороны мифология полна рассказами о *vagina dentata* вредящей мужчинам, проникающим в нее. В селькупском представлении имеется масса примеров убеждающих в том, что рождающий «женский низ» аналогизируется со звериной пастью. При этом они оба ассоциируются с «входом» и «выходом» другого мира, с жизнью и смертью [Степанова, 2008. С. 119, 129]. В данном контексте зубастая пасть становится надежным оберегом. Селькупы для безопасности младенцев размещали на колыбелях орнамент «зубы» [Пелих, 1998. С. 60], по сути тот же «зигзаг», явившийся в магических ритуалах символическим заместителем природы. Е.Д. Прокофьева отметила, что по возвращению с кладбища, селькупы чертили за собой поперек дороги зубчатую линию, «пресекая» этим путь для душ умерших, стремившихся «проводить» живых в поселок [Прокофьева, 1977. С. 74, рис. 2].

Магическая защита посредством «зигзага» очень рано становится универсалией действующей у многих народов Евразии и Африки. Не противоречат этому и материалы по традиционным воззрениям селькупов, имеющиеся в распоряжении археологии и этнографии.